

Литер. правд., 1981, 24 авг.

ХУДОЖНИК

КИНО

Сегодня народному артисту СССР, лауреату Государственных премий СССР, кинорежиссеру Михаилу Ромму было бы 80. Автор фильмов «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Мечта», «Девять дней одного года», «Обыкновенный фашизм» и многих других, он навечно вошел в историю советского кинематографа.

Прошло так много лет со дня моего соприкосновения с миром Михаила Ильича Ромма, уйма дней, способных стереть остроту грани, внести разумный порядок в радостный хаос охватившего меня тогда волнения. Но этого не произошло.

...Я позвонил Михаилу Ильичу с естественным волнением первокурсника, который стучится в храм искусства впервые. Мое провинциальное происхождение и благовоспитанность делали свое дело: я объяснил ему маловразумительно, что первокурсники ВГИКа хотели бы получить для своего первого вечера напутствие мастера. На другом конце провода наступило молчание... Мне кажется, что я правильно расшифровал его: «Но почему я?» Так же сбивчиво, как и в самом начале разговора, я попытался объяснить, почему именно он. И снова наступило молчание. На сей раз я узрел теплую, немного ироничную улыбку и дождался хриплого, домашнего голоса, обезоруживающе дружжелюбного:

— Я буду. Но вы позвоните еще раз завтра, я, так сказать, не совсем в положенной форме. Дурацкая простуда. Это, как понимаете, не смертельно, так что позвоните. Обязательно!

Весть о согласии Михаила Ильича присутствовать на вечере я принес, как приносили древние гонцы весть о победе.

Но последующий звонок, назавтра, заставил меня грустно и долго молчать на другом конце провода. Михаил Ильич серьезно заболел. Хотя тот же хриплый голос со смешинкой казался теперь еще веселее вчерашнего.

— Вы чего? Давайте приезжайте ко мне — я тут накалал вам несколько слов, вы уж простите за оборот дела! Даю вам адрес...

Я стою в передней и впервые вижу Ромма — таким близким и так близко. У меня такое чувство, что он меня давно и хорошо знает, что ему неловко за свой грипп, что он себя чувствует очень виноватым за несвоевременное нашествие микробов.

Действие этого эпизода имело место четверть века назад, осенью 1956 года, что в космическом исчислении означает вчера.

Вот он стоит передо мной, высокий, едва заметно сутулясь, в коричневом халате, который носил на себе все приметы рабочей спецовки. Ромм протянул мне конверт с посланием, а мне не хотелось уходить. Наступила та немота, за

которой обычно теснится множество слов, рвутся наружу горячо и необдуманно, — слова, которые мы при жизни стесняемся говорить друг другу. Я так их и не произнес никогда живому Михаилу Ильичу.

Предо мной тот же конверт. «Дорогие товарищи первокурсники!

Я не могу присутствовать сегодня на вашем первом вечере, на первой нашей товарищеской встрече. Поверьте, мне гораздо приятнее было бы побывать сегодня с вами, чем исполнять скучные, но необходимые обязанности, которые не пустили меня к вам.

Никакое написанное на бумаге слово не может заменить обыкновенной улыбки.

И все-таки приходится писать, чтобы передать вам поздравления с началом нелегкой пятилетней учебы.

Я от всей души желаю вам всем удачи, от всей души хочу видеть в вас будущих режиссеров, операторов, сценаристов, актеров, художников — талантливых, смелых и честных, преданных нашему прекрасному искусству.

Каждое новое поколение ВГИКа — это новая надежда советской кинематографии.

Михаил Ромм».

В этом послании Михаил Ильич дважды повторяет слово «товарищи». Он пользуется этим словом как высшим проявлением слова «коллеги». Михаил Ильич всегда относился к молодежи как к равным — до зависти равным! Им произнесенное слово «товарищ» вмещало в себя преданность, доверие, нежность, непоколебимость.

Мне помнится, поздней ночью Прага, низкий столик и крепко сжатые в единый кулак руки Василия Шукшина. Это была ночь откровений, и суровый Шукшин, немногословный, испещренный ранними морщинами, просто и кратко произнес: «Я ученик Ромма». Эта фраза всплыла помимо логики, помимо воли, каким-то весомым и решительным аргументом в нашем разговоре.

Я вижу Михаила Ильича, защищавшего картину «Летят журавли» Калатозова на бурном и долгом обсуждении в старом Доме кино. Это кадры моего интимного фильма — я прокручиваю их в памяти, если надо обрести решимость, волю и щедрость.

Жизнь и фильмы Михаила Ильича были миром, обладающим неопишуемой силой притяжения.

Э. ЛОТЯНУ